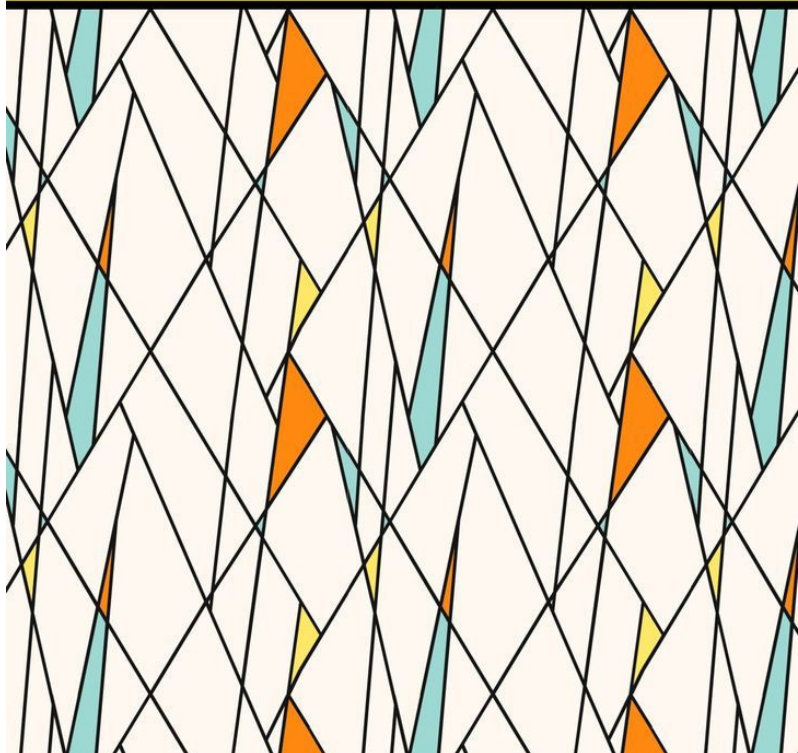


18+

КОЛОМИЙЦЕВ ИЛЬЯ

Обитель нетленных



Илья Коломийцев

Обитель нетленных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57189910

ISBN 9785005120946

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Молодой художник сталкивается с творческим кризисом и погрязает в глубоком самокопании. Он живет в обычной, неприметной съемной квартире. Но в один день парень находит книгу со странным содержанием в своем шкафу, который ранее пустовал. В ней находятся записки людей, судя по всему, уже покинувших мир живых. С каждой новой прочитанной страницей книги голова молодого художника лишь продолжает наполняться вопросами, ответы на которые парень найти пока не в силах. Но дальше...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	39
Глава 8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Обитель нетленных

Илья Коломийцев

© Илья Коломийцев, 2020

ISBN 978-5-0051-2094-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Накануне

Снег хрустел под моими ногами и стоит признаться, что это немного меня бесило. Я нес в своих руках пакеты с покупками, решил закупить всего, дабы не выходить из дому неделю. Уж такой я человек, мой друг Сергей раньше шутя называл меня мизантропом, а сейчас данное понятие всерьез описывало меня. Время, расходуемое на дорогу к супермаркету, я пытался проводить с пользой, думал о фильмах и книгах, которые посмотрел или прочел за ближайшее время. Также выстраивал что-то целое у себя в голове, чтобы передать это на холст. Но в свои 24 года я понял, что опустел в плане изобразительного искусства и понятное дело, что мне нужно было искать себя заново. Хотя мне грех было жаловаться, потому как на своих картинах я и поднялся, начав себя самостоятельно обеспечивать и при этом не надрываясь, в фастфудах или в других кафе.

Собственно тот день мне запомнился встречей, которая оставила весомый отпечаток в моей жизни. Да и стоит признать, что изменила меня во многом. Ведь раньше я не верил в судьбу. Подходя к своему дому, я впервые встретил ее. Хотя большой след на мне оставил она – шестнадцатиэтажка. С виду она выглядит неприступно и обыденно. Но ее история не является скучной и простой.

Глава 1

Для приличия мне стоит представиться моему читателю. Что ж, из соображения конфиденциальности укажу только псевдоним – Альфред Психо. Я думаю, что стоит разъяснить. Так вот тут все просто – Альфред Хичкок и его фильм «Психо». Уж сильно мне он понравился, а его персонаж Норман – это обобщающий образ маньяков, художественные произведения про которых я просто обожаю. Ну да ладно с представлением.

Приложив синенькую круглую штучку (чип) к домофону, я вошел в подъезд и вызвал лифт. Кто-то может подумать, что я ленивая задница, но даже в мои 24 не каждый направиться вверх до девятого этажа пешком. Но во время всех этих действий я ощущал некую послевкусию, а вызвана она была той встречей. О персонаже я расскажу далее. Все дальнейшие события описывать будет глупо и банально. Они механичны как движение стрелок на циферблате часов. Войдя в квартиру, я сразу же снял обувь, закинул требуемые продукты в холодильник, остальные оставил в пакете. После массовой продажи своих картин я несколько обленился. Поход в магазин для меня был подвигом, и как всегда, исполнив подобное «свершение», мое тело падало на диван, руки на половине пути оканчивали стягивать штаны и захватывали телефон. В тот день я не изменил своим привычкам. Вхо-

дил во все социальные сети, дабы проверить «нужен» ли я кому-то.

«Если честно, то в глубине души я ожидал сообщение от какого-то старого знакомого. Я – любитель поностальгировать, но иногда, встретив бывшего одноклассника или просто старого приятеля, на меня хлынуло странное чувство, заставляющее натягивать капюшон и всячески обойти этого человека. Правда, даже без врачей я поставил себе диагноз – биполярное расстройство. Вообще год назад я даже не знал о существовании данного, но в который раз меня просветил Федоров Мирон Янович в своей работе. Среди молодежи он известен как известный репер «Oxxxumiron». Фанаты современной музыки делятся на две ветки: ищущие в треках музыку и те кто углубляются в смысл. Я принадлежу к последним. Мама говорила, что в этом мой главный минус. Я всегда во всем ищу смысл. Возможно, на это повлияли школьные уроки литературы, на которых нас заставляли искать идею там, где нет даже логики. Жизнь – полостью иррациональна.

Проверив все свои аккаунты со спущенными штанами, я обнаружил, что моя самая последняя переписка была аж позавчера с моим другом Сергеем. Тогда мы, как ярые болельщики своей сборной по футболу, обсуждали их последние матчи. Сергей – фотограф и при чем очень талантливый, поэтому он постоянно в разъездах. Он не раз жаловался мне на свой насыщенный график, восклицал, что с таким успехом он никогда и не жениться «на свидание даже сходить

не могу». Хотя на его месте, я бы не жаловался на недостаток времени на женщин. Много публикаций с моделями висело у него в Инстаграме. Да и сам не раз хвастался своими ночными похождениями с моделями, которые днем пытались продемонстрировать ему всю свою душу на фото.

«Мдаааа, – думал я, – постепенно моя личность будет предана забвению. Но это данность. Всех нас рано или поздно не станет. А моя звезда зажглась внезапно и также потухла».

Как художник я еще требовался, за три дня перед этим мне звонила организатор выставок и спрашивала за картины, по ее словам много иностранных ценителей искусства заинтересованы в моем возвращении в живопись. Правда, я уже изжил себя там. Я не мог продемонстрировать еще чего-то нового в красках. Хотя не могу сказать, что полностью похоронил себя в этом деле. Я все еще надеялся найти вдохновение. Конечно, идеи были, но мне они казались уже заезженными. Люди постоянно перерабатывают прежнее в свое новое. Правда, тогда я зациклился на фильмах и книгах. Еще в 17 лет я начинал писать свою книгу, но сомнения также моя слабая сторона, а еще плюс к ней мечтательность.

Потом все-таки я переоделся в свою уютную домашнюю одежду: носки с начесом напоминающие уги, свободные спортивные штаны и свитер. Причина такой достаточно теплой экипировки – отопление. Тут хочется вспомнить одну крылатую фразу «оно вроде есть, но его сразу нет». Стоит описать мою квартиру: однушка с кухней, разделенным сан-

узлом, маленьким коридором и просторной комнатой, войдя в которую испытываешь ощущение, что находишься в кубе. Второй критерий был для меня очень важен, когда мы с Сергеем искали квартиру. Я и он тогда поступили в Харьков и не хотели жить в общежитии (во всяком случае, этого не хотели наши мамы), мол покатаемся вниз, пить много будем, да и на учебу вовсе забудем.

Из всей находящейся мебели ничего особого выделять не хочу. На кухне деревянный стол, правда, этого можно и не заметить, так как он накрыт длинной скатертью и, когда ее поднимаешь ощущение, что ешь на досках. Не знаю, где хозяйка его достала, но ощущение что она сама его сконструировала. Мебель была советской, досталось ей еще от родителей вместе с квартирой. Много мебели времен совка, но она очень хорошо сохранилась и нынешним состоянием могла посоревноваться с новым столом и диваном в комнате. Еще одна особенность, которая мне очень приходилась по душе – холодильник в коридоре. Ты не снимаешь обувь и идешь на кухню дабы разместить продукты, а делаешь это прямо на месте без лишних усилий.

Переодевшись я направился на кухню, захватив по пути телефон (я вечно и везде его таскаю с собой) и, разумеется, продукты. В тот день мне очень захотелось лаваша и я жаждал его. Помешал мне это осуществить телефонный звонок. Звонил Сергей, не хотелось брать, так как отвлечет от запланированного, но все-таки взял трубку.

«Привет, мизантроп, уже долго живу не говори», – произнес он радостным голосом куда-то спеша.

«А ты куда летишь?», – спросил я раздраженным голосом.

«Та так, по делам. Слушай, эта фотосессия оказалась не такой заурядной как остальные. Ты сейчас не поверишь в то, что я скажу. Я влюбился».

«А-а. Я уже подумал, что наткнулся на парочку садистов или „горячий фильм“ заставили снимать. А так это вполне нормально. Главное поменьше показывай это. Она модель?».

«Да. Сравнив с остальными, эта с душой. Я сразу ощущаю «обертку».

«А тебя любовь за время съемки осенила?».

«Ну да».

«Тогда это любовь. А чего ты мне вообще звонишь? Тебе о другом нужно заботиться».

«Ну как же, ведь ты мой друг. Похвастаться надо», – смеясь, заявил он.

«Дело выполнено», – безразлично сказал я, собираясь положить трубку.

«Слушай, я честно не знаю, когда освобожусь, но точно через 7- 10 дней буду в Харькове, и мы не то, что должны встретиться, но и хорошо набратся».

«Неплохая идея, давно не виделись. Уже по-моему месяца три прошло с последней встречи. Ладно, удачи. Заранее позвони для уточнения времени нашей пьянки», – сказал я быстро и бросил трубку. Нужно было дать ему возможность

произнести прощальное слово, но голод взял верх.

А вообще, я был рад за Сергея, что он нашел, по крайней мере он так считает, свою половину. По жизни, сколько его знаю, не везло ему в этом плане. В старших классах я его то и утешал его словами поддержки после очередного предательства со стороны представительниц прекрасного пола. Мы еще в 5 классе подрались (ну так в песке повалялись), потому что нам понравилась одна девочка. Сразу же на следующий день помирились. Вот оно детство, когда сразу забываешь все те ненужные черные кляксы, а не носишь их на сердце.

«Черт, я даже не расспросил, как она выглядит», – подумал я, ощущая чувство вины перед другом и в то же время нарезая ингредиенты для лаваша.

Приготовив долгожданное блюдо, я направился к ноутбуку, дабы познавать сразу два удовольствия: утоление голода и просмотр очередной кинодрамы «Старикам тут не место». Но отметить хочется не это, а то самое, что станет начальной точкой в моем познании истории этой шестнадцатизэтажки и пересмотра всей нашей жизни.

Входя в комнату, слева глаза примечают письменный стол, на котором находится ноутбук. Справа – окно вместе с балконом предоставляет обширный вид района Алексеевка. Два шкафа одиноко стояли у стены, заметить их можно, направив взгляд вперед при входе в комнату. Один был для одежды, новый шкаф-купе, второй я никогда не открывал за все

эти года, и он запылится там на ухнарь. Да и он был книжным, а ни единого экземпляра бумажной книги я не хранил. Предпочитаю скачивать в электронном варианте бесплатно. Я и не заострял внимание на этом гребанном шкафе, но в этот день одно условие буквально заставило меня перестать игнорировать присутствие этого деревянного «зверя».

Глава 2

Поставив тарелку с лавашем на стол, я включил ноутбук и приготовился к просмотру фильма, который требует пристального внимания и глубокого обдумывания, так как это не типичный боевик, где каждый стреляет друг в друга. Но как только я начал вбивать название фильма в адресной строке в браузере, в квартире моментально погас свет. Для меня это было полной неожиданностью. У нас район не курорт, конечно, но проблемы тут бывают только с водой, которую внезапно отключают и именно тогда, когда ты совершенно к этому не готов. Правда, жизнь умеет удивлять и все бывает впервые, поэтому мои планы были испорчены. За окном уже темнело, а так как на улице была зима, то этот процесс занимал короткий промежуток времени. Я направился на кухню, дабы найти свечку. Перерыв все верхние шкафчики, обнаружил нужное в нижних. Сложно было сказать, откуда у меня эти два длинных и толстых предмета. В церковь не ходил, возможно, приобрел еще несколько лет назад, как раз на случай такого экстренного происшествия. А может это заслуга Сергея, но кто-бы ни был покупателем, я был безумно благодарен этому человеку. По своему опыту, знал, что сначала в чашку следует насыпать какую-нибудь крупу, в моем случае это был рис, а потом установить свечу. Так и сделал. В нашем с Сергеем родном городке отключение

света было привычным делом. Установив свечу в наполненную рисом чашку и взяв ее, я направился к тому книжному шкафу. За то время пока я готовился к вечернему времени, как в средневековье, темнота полностью захватила свою власть за окном. В комнате ничего нельзя было разглядеть дальше своего носа. Не спасало даже широкое окно с выходом на балкон. Было очень странно: на улице не горел ни один фонарь на столбе.

«Сегодня день просто наполнен «приятными сюрпризами», – подумал я в тот момент, потирая глаза большим и указательным пальцем свободной правой руки. В левой была чашка со свечой.

Но целью так и оставался этот уже по-настоящему злоедающий шкаф.

«Странно, как только я тебя заметил, все эти вещи случились впервые. Конечно, это звучит глупо, но существует но...», – разговаривал я сам с собой. Мне это было свойственно. Очень часто я обговаривал таким способом. Конечно, вы можете вспомнить в этом случае про маму, но я ленивец по сравнению с ней. Она никогда не понимала всех этих творческих личностей, по ее мнению, все они шизоиды. На свою нелегкую долю немало сложных испытаний выпало ей.

Открыв книжный шкаф, сразу в мое лицо ринула буря из пыли. Увидеть ее я, конечно же, не мог, но почувствовав зуд в носу и почихав несколько раз, это стало очевидным. Я

не могу сказать или даже описать, что мной двигало в тот момент, но чувство было такое, что я целенаправленно полез в шкаф. Еще и без всяких эмоций взял эту единственную тоненькую книжонку в мягкой обложке. В нормальном состоянии мое сердце стало биться в два, а то и в три раза чаще. Потому как, каждый свой визит, хозяйка этой квартиры протирала там пыль. При чем, дверь открывалась и передо мной, и я собственными глазами видел, что шкаф был пуст. Оксана Владимировна еще не раз мне говорила, чтобы я не стеснялся и клал имеющуюся литературу туда, но я сказал, что симпатизирую цифровому носителю. Но тогда я никак не отреагировал. Мной правила одна сила – жажда познания. Мне было интересна начинка этого тонкого пирожка. На обложке не было ни единого слово, хотя я ожидал увидеть хоть какое-то название, чтобы определить тематику книги. Оставалась одна отрада – открывать и узнавать.

Глава 3

Перевернув белую обложку, я понял, что это не книга, где слова напечатаны, а написаны вручную. При чем, каллиграфия обрадовала глаз. Почерк был просто идеальным. Он сразу напомнил мне о моем дяде, который выводил каждую букву на манер печатной. Бабушка не раз в детстве ставила мне его в пример и, как учитель, на сердце могла почуять теплоту, что хоть один сохранил почерк в достойном виде. Правда, в словах на желтых страницах этой книги чувствовалась женская рука. Я встречал много девушек с прекрасным почерком. От их тетрадей я бывало и глаз отвести не мог, как-никак ценитель искусства. Эта работа также захватила мое внимание целиком. Сначала я смотрел просто на буквы и не читал текст. Особенно кайф мне приносила маленькая буква «б». Верхний хвостик был не типичным прямым, а волнистый, напоминающий женские волосы после завивки. Возможно, на лицо сказывалось отсутствие девушки в моей жизни раз уж даже при виде буквы фантазия начала пошлить. Но все самое интересное ожидало меня впереди.

Наконец я решил начать читать:

«Сложно ходить на одном месте. Я толком и не помню нашего переезда сюда. Глаза были завязаны черной повязкой. Я плакала, потому что думала все всерьез, а они пошутили. Мама тогда сказала мне, что нужно привыкнуть. Долго

времени уже прошло, а мне все хочется назад. Когда к нам с сестрой приходило много подружек, и мы игрались. Сейчас со мной никто не хочет даже поболтать. Сестра с самого переезда злая ходит. Они все с мамой вечно шушукаются. Стоят за спинами людей и смеются. Я бы похвасталась, что выгляжу намного серьезней их. Мне очень жалко папу. Он ходит как сам не свой, осматривается повсюду, что-то ищет. Потом садиться в кресло и смотрит в одну точку. Возможно, папа сошел с ума. Меня поражает поведение мамы и сестры, они совершенно не обращают на это внимание. Я постоянно нахожусь рядом с ним, потому как больше не с кем, но это не главная причина. Мне хочется видеть его как раньше, прежде-всего находить в папиных глазах жизнь. Про то, как он любил работу и мчался в свой офис в любое время, остается только вспоминать. Каждый миг в моей голове сидит только один вопрос „можно ли это изменить?“. Так хочется вернуться назад. Надеюсь, эта запись не окажется напрасной».

Ниже этой записи мои глаза увидели большую надпись «Расплата – не за горами». Сказать, что я чувствовал запутанность и был заинтригован. ЕЩЕ БЫ! На меня как будто бы вылили ведро, а нет цистерну холодной воды. Я забыл про то, что был голоден. Сложно описать мое состояние в тот момент. Единственное о чем думал мой мозг – ЧТО ТАМ ДАЛЬШЕ! Но вдруг в тот момент огонь свечи начал колебаться, как маятник, то влево то вправо. Казалось, вот-

вот она погаснет, но нет. После мига спокойствия колебание увеличилось в разы. Ощущение, что не какой-то ветер, а целая буря пытается сразить маленький огонек, который не стесняется проявлять храбрость в борьбе с могучей силой. Но каждая битва заканчивается. Свеча продолжала гореть. Но на этом загадочность не прекратилась. Петельки, на которых висела золотистая штора, начали со скоростью пуль разлетаться в разные стороны, тем самым разорвав карниз на мелкие части. В тот момент я пригнул голову и закрыл ее руками. Когда свистящие звуки прекратились, мои глаза поднялись вверх и увидели настоящий полтергейст: штора недвижимо повисла в воздухе, а через несколько секунд устремленно двинулась на меня, словно она орел. Я упал, а золотистая бархатная ткань накрыла меня полностью как труп. Но на этом мои мучения не закончились. Кто-то с необычайной силой начал катать меня со стороны в сторону. Казалось, что я – игрушка в этих руках. И вот меня закатали как начинку в тесте. Помню, как начал задыхаться и кричать, прося отпустить. Умолял прекратить, но тот, кто все это делал, снисходительностью не блистал. Громко и долго вопить мой голос не мог и через несколько минут я его и вовсе сорвал. Потом и вовсе потерял сознание.

Глава 4

Очнулся я на утро, лежа на полу. На моей груди лежала та самая книга, которая вчера полностью убрала из моей жизни скуку. Осмотрев комнату, я был ошарашен: карниз и штора, под которой вчера задыхался, весели, как ни в чем не бывало.

«Может у меня были галлюцинации? Это могло быть возможным, если бы я скурил хороший косячок, но я этим не балуюсь уже лет пять. Еще и книга, наверное, написана каким-то долдоном, который хочет меня пранкануть», – говорил я, повысив в конце голос. Возможно, специально для самоутешения, мол покажу какой грозный (в детстве наверняка многие так боролись с бабайками). Но как не пытайся запрятать страх, все равно его не лишишься. Вдруг мне в голову прорвалась одна картина. При чем, я ее уже видел во сне, хотя вряд ли это был он. Скорее какой-то транс, где ты ничего не понимаешь и ничего не хочешь. Изображение было таким четким, что я решил срисовать его содержимое на картину. Обычно я называл это вдохновением, особенно, когда сутками сидишь перед пустым холстом и конструируешь из обрывков единое целое, а потом в голове возникает что-то совершенно другое. Только разница с вдохновением у этой картинки имеется: первое пытаешься задержать насильно у себя в мозгу и в любой миг можешь его упустить,

второе же настолько цепко ухватилось, что даже при желании не утратишь. И вот впервые за полгода я взял в руки кисточку и краски, сам себя поразил не на шутку, ведь поклялся перед многими знакомыми и творцами, что больше даже не дотронуся до них. Тогда на том вечере я решил открыть себя в чем-то новом. Быть художником наскучило и, чтобы не превратиться в живого овоща, мне нужны были перемены. Хочется отметить, что решимостью поразил самого себя, много топчутся на месте в сомнениях всю жизнь, а я за две минуты размышления сделал выбор. Многие, как и ожидалось, кричали мне в спину, что буду жалеть, а я им в укор только облегчение почувствовал.

Срисовывая неизменную в мозгу картинку, я вспоминал мои первые шаги в изобразительном искусстве. Когда мне было 12 лет, бабушка всерьез задумалась о моей внешкольной жизни. Я проводил много времени за компьютером, играя в стрелялки с друзьями по сети. Ей казалось, что портиться не только мое зрение и усугубляется сколиоз, а еще детская психика извращается кровью и страданием, которые исходят из экрана. Как я говорил ранее, моя бабушка была учительницей, преподавала украинский язык и литературу. Повезло мне (хотя не уместно рассматривать в этом случае фортуна, потому как все было решено с того момента, как я прочитал первое слово) учиться в той школе, в какой она работает. Долго бабушка общалась с учителями на счет меня, все выискивала мои таланты. Физрук только и делал,

что критиковал меня. В младших классах жаловался бабушке на то, что я балованный, позже он заявлял: «Хиленький он, пусть на лавочке сидит. Дети смеяться не будут, да и мои нервы целее будут». С тех пор мое одиночное пребывание в тени сверстников стало стилем жизни. Лишь Нонна Леонидовна, учитель по изобразительному искусству, не раз говорила бабушке, что у меня талант к рисованию. Соответственно она дала совет отдать меня в художественную школу. Бабушка на радостях, что, наконец, нашла применение моему свободному времени, послушалась совету, и уже со следующего дня в компьютер я играл только по выходным. Художка стала для меня в прямом смысле вторым домом. С понедельника по пятницу все пять лет я мчался туда, убегая залечивать раны, которые причиняла мне обычная школа. Безусловно, заслуга в моем рвении к постоянному посещению художки лежит на плечах учительницы, которая там работала, Ирины Альбертовны. Конечно, она не была улыбающейся тетешкой и не раздавала конфеты за хорошие работы. Ирина Альбертовна имела авторитетный вид, несмотря на свой маленький рост. Очки предавали ее лицу строгий вид, но сама никогда не повышала на кого-то из моей группы голос. Даже, когда по ее лицу была видна усталость от просмотра картин некоторых бездарных личностей, она по-доброму с вздохами помогала придать хоть какой-то красоты. Из всех учителей, которые пытались меня чему-то научить, эту я хочу помнить всегда.

Всего два часа мне понадобилось, чтобы закончить картину. И вот на холсте можно было увидеть семью: муж, жена и две их дочки. Во время написания картины я даже не обратил внимания на персонажей. Только готовая работа заставила меня включить мозги.

«Книжонка захватила контроль надо мной», – сказал я в голос совершенно серьезно.

Мне действительно было страшно, особенно, когда я смотрел на книгу. Чувства уже тогда подсказывали, что с каждой перевернутой страницей кошмар будет усугубляться. Свою интуицию я, как всегда, не послушал. Безусловно, большей чуши и не может быть, как давать любопытству верх после вчерашних событий. Но продолжение хотелось узнать, потому что только оно могло прояснить ситуацию.

«Я совсем про него забыл, хотя когда тут о еде думать», – сказал я, глядя на одинокую тарелку с лавашем в левой части стола.

Покидать комнату я даже не думал. В мои планы на этот день входила только книга. Съев лаваш, я открыл ее, руки начали трястись и остановить колебания не мог. Перевернув прочитанную страницу, перед моими глазами открылась новая история.

Глава 5

«Невыносимо ходить на одном месте. Зря я тем вечером не захотела остаться дома. Остается обвинять только саму себя. Я постепенно схожу с ума здесь от одиночества. Хотя я не одна, на каждом этаже имеются такие же жертвы, как и я. Но я бы не хотела к ним присоединяться, слишком уж они злые. Правда, с каждым днем черный ангел все больше и больше приближается ко мне. Дистанция тут даже не важна, а сама я даю ему поглощать себя. Какие же мы ничтожные, только делаем вид, что можем изменить ход событий, а на самом деле моль, которую задавят и даже не заметят. Я долго искала отсюда выход, но его просто не существует. Уже не остается ничего, как сдаться. Мне хочется быть сильной только из-за семьи, живущей рядом со мной. От меня зависит их будущее пребывание в этом рассаднике ужасов, хотя о моем существовании они даже не догадываются. Хотелось, чтобы так и продолжалось, но быть белой среди черных возможно лишь некоторое время. Дальше им будут известны все твои слабые стороны, которые сделают из тебя легкую добычу. Пишу, потому что это последние минуты моей настоящей наружности. Надеюсь, не все потеряно, хотя это, как смотреть в темную пустоту в ожидание светлого блика».

Как и на предыдущей странице, внизу была жирная, несколько раз наведенная надпись – «Расплата не за гора-

ми».

«Может, раньше в этом доме что-то подобно дома пыток? Или вообще психиатрическая больница? – закидывал я сам себя вопросами. – В прошлой записке упоминалось об отце, который сидит и смотрит в одну точку. Вероятно и то, что я сейчас напрасно закручиваю себя, так как кто-то просто набросал свое произведение, а может оно состоит из таких записок. Припоминается „Иерусалимов удел“ (рассказ Стивена Кинга) написан также в таком стиле. Кто-бы это не написал, но ему удалось превзойти самого „короля ужаса“, я от страха начал с ума сходить, и галлюцинации стали мучить. Последняя запись меня вводила в заблуждение и всячески настораживала. Было явно, что их кто-то обидел и, при чем, сильно, раз в тех одиноких словах в конце страницы ощущалась злоба и непреодолимая жажда расплаты. Вот только за что?».

Во времени тогда я потерялся окончательно. Видел, что за окном темнело, но так как на дворе стояла зима – день был коротким. Разбираться в числах на циферблате не хотел, математику ненавидел с 6 класса, а часы снял, потому что все время тикали и раздражали мою нервную систему.

«Первая записка написана одной из дочек на картине. А вот по второй возник вопрос. Хотя, если упомянута мама, то похоже на подростка или немного старше», – рассуждал я вслух.

Вовремя обдумывания выше сказанного, мои уши услы-

шали что-то за пределами комнаты (как я определил, это были шаги). Разум был уверен, что вестись на эту уловку опасно. Но мои ноги не были подвластны мне. Да и вообще за тот день я ощущал, что начинаю терять себя. Сразу после загадочной отключки меня потянуло к той, будь она не ладна, книге. Все мои мысли были заняты ею. Я не рассуждал логически, а механически слушал кого-то, словно я марионетка в пальцах зловещего кукловода, который желает увидеть мои страдания. Но позже мне представился шанс узнать причину такого всего ранее упомянутого.

Перейдя из комнаты в длинный и темный коридор, звуки хождения изменились на шепот, который до костей пронзал меня ужасом. Желание остановиться было чуть ли не мечтой, но ноги не подчинялись мне. Шаг за шагом я сжимал глаза все сильнее, а открывать не давал страх. Как и в фильмах ужасов, ожидал увидеть страшное создание со злым лицом, которое смеется и наслаждается твоими муками. Бурное воображение разыгралось не на шутку, будто вспомнив детство, в котором мы сами надумывали себе страхи, а потом натягивали одеяло во весь рост, а голову зажимали подушкой и руководствовались логикой, если не видим чудище, значит его – нет. В моем же случае подобное сделать было невозможно. Ноги сами остановились, правда, я не понимал где именно. Я все-таки решился открыть глаза и увидел, что надуманное в моем воображении в самом изощренном стиле оказалось лишь пустым ожиданием. Никто не стоял

там, но шепот продолжался. Я оглядывался вокруг в надежде увидеть того, кто заставил меня покинуть комнату. Просто-яв около минуты и не увидев ничего сверхъестественного, шепот показался мне галлюцинацией, вызванной той странной отключкой. Правда, я не понимал причину столь резкого появления ответвления. Мысли наталкивали на то, чего опасался наиболее – лишение рассудка. Возможно, от полного одиночества я схожу с ума, ведь за последние месяца три у меня не было ни одной встречи, и даже ни с кем не говорил вживую. Я повернулся назад, дабы вернуться в комнату, но у кого-то были другие планы на счет меня. Меня прижало к стене и в области шее чувствовалось давление. Дышать становилось все труднее, и я руками попытался помешать неизвестной силе, которая старалась задушить меня. Но как только пальцы достигли шеи, послышалось шуршание целлофана. Я поднял руку выше, и ладонь нащупала, что ним покрыта вся моя голова. Паника охватила меня и все движения стали хаотичными. Сражаться с пустотой оказалось не так уж просто. Я боролся всеми силами, от тупого махания руками поверху до качания всем телом, которое так и магнитилось к стене. Чем большими были мои старания, тем меньше ноги ощущали под собой пол. Что-то вздымало меня вверх, а руки прижимало к телу, чтобы не попытаться порвать пакет. Когда я осознал, что бороться не имеет смысла, и мысленно смирился с участью, вдруг резко очутился на полу. Сразу же пальцы разорвали целлофановый пакет, кото-

рый проглотил мою голову, и я поглощал ртом воздух, как будто вечность жил без него. В направлении в комнату, перед моими глазами все удлинялось, и дверной разъем в комнату умножился на три, а ноги и вовсе шагали по кругу. Немного мучаясь от головной боли и блужданию под стенкой в надежде войти в проход, вскоре я потерял сознание.

Глава 6

Я очнулся возле дверного разъема в комнату. Лампа все светила на ту проклятую книгу. Глянув в окно, я понял, что в отрубе пробыл не долго, так как на улице все также было темно. Поначалу мне хотелось лечь на диван и отоспаться, а потом убраться из этого ада, пусть даже в той одежде, которая на мне. Но сбыться моим планам не было суждено. Как только я поднялся на ноги, мне в голову ударила картина. Изображение прямо стояло перед глазами и заснуть просто не получится. Я включил свет, поставил холст, распахнул штору (чтобы не налетела снова как хищный орел скажете вы, но мне нравился вид из моего окна и никогда не закрывал его) и взял в руки краски.

«Вновь нарушаю свое обещание. Надо отсюда убираться куда подальше, иначе если так пожить дня два – дурка обеспечена. А теперь скажи, что не веришь в мистику», – говорил я сам с собой, тяжело вздыхая.

Эту картину завершил раньше, чем предыдущую, хотя, если честно, время даже не ощущал, потому что с головой входил в картину, как это происходило в прежние времена. Но загвоздка была не в этом, ведь окончив роботу и посмотрев на творение, мое тело начало дрожать и холодный пот, стекающий вниз по спине, еще больше увеличивал эту вибрацию. На картине была девушка лет 17—18, одета в белое

платье до колена, распущенные светлые волосы полностью окутывали плечи, а голубые глаза завораживали и заставляли тонуть в их морских глубинах. Причиной моего ужаса не являлось красивое лицо с милой улыбкой, которое искренне передавала всю чистоту этого невинного божьего создания. Связь картины с книгой было очевидно: недавно я размышлял, кто же написал ее, а теперь уже имел ответ перед собой. Внутри у меня веял холодный ветер и полыхал огонь. Страх и неизведанность смешивались воедино и стопорили меня. Я стоял на одном месте, воткнув свой перепуганный и ледяной взгляд в пол. Сон пропал из моих мыслей, хотя в голове творился откровенный беспредел. Если бы не звяканье телефона, сумасшествие настигло бы меня. Поначалу я не мог сориентироваться, где же сотовый, но потом нащупал его в кармане штанов. Пальцы ввели код и экран был разблокирован, но глаза сразу же растерялись от множества сообщений. Помимо уведомлений из групп в Telegram, высветилось шесть пропущенных вызовов. Увиденное меня подбодрило после стольких потрясений, ведь в тот момент я нуждался в чьих-то ушах и рте, которые спасут мою душу от безумства.

«Кто же все еще помнит о моем существовании? Да еще в половину третьего ночи», – радостная улыбка на лице оживила внутри бег потеплевшей крови по венам, которую заставил застаиваться в охлажденном виде весь произошедший ранее ужас.

Не читая ни одного уведомления, я сразу же позвонил по пропущенному вызову. Гудки заставляли мое сердце биться все чаще с каждой секундой, а интрига насыщалась до накала. В трубке послышался женский голос и раздражающее шмыганье носом. Было очевидно, что моим собеседником станет баба в соплях и тем более моя бывшая.

«Корницкий, приезжай в 25/17, ты мне нужен как никогда. Я жду», – сказала Даша зарёванным, но трезвым голосом.

Правда, я не понимал, зачем она сохранила мой номер, в то время, когда ее телефон испарился в считанные секунды после нашего разрыва. Да и вспоминать об этих отношениях длиной в два года, откровенно брошенных в помойку, мне не хотелось. Дашу – яркая девчонка с темно-рыжими волосами и веснушчатым лицом. Но больше всего внимание парней заострялось на ее пышных формах и редких зеленых глазах, которые заставляли твое сердце полыхать. Воспоминание о ней, точнее о нас, делали многие мои ночи бессонными, даже до сих пор. Без раздумий я зашел на телефоне в программу «Taxi 838» и заказал машину к дому. На метро не поедешь, так как открывается в половину шестого утра. Я желал поскорее убраться из квартиры тьмы, да и чувство порхания бабочек в животе вело к Даше, напоминая о нашем первом свидании. Казалось, что эти стены не отпустят мою душу вот так просто, но я был готов бежать сквозь огонь, дабы покинуть земной ад. Одежда была на мне

спустя считанные секунды. К двери я прыгал то на левой ноге, то на правой, попеременно натягивая на каждую ботинок. Рука крутила ключ в замочной скважине быстро словно преодолевала последнее, самое мерзкое препятствие. Действительно, нажав кнопку вызова лифта, мое тело расслабилось. Ноги без напряжения вошли в лифт, и я поднял голову, вдыхая воздух свободы. На улице мое лицо атаковала волна зимней свежести. Машина еще не подъехала, программа сообщала, что до прибытия такси оставалось пять минут. Сократить этот промежуток времени, помогли мои завсегда заостренные уши. С лавочки доносилось бурное обсуждение. Выходя из подъезда, я не заметил присутствие лиц на скамье, так как дверь открывалась в левую сторону, где же и находилась деревянная конструкция. По интонации девичьих голосов было понятно, что тема разговора – не обзор внешнего вида сверстниц и классификация парней по уровням: «козел», «лох», «урод», «дебил». Обсуждалось последнее похищение некой Лизы. Один из голосов с большим сожалением говорил, точнее выдавливал слова, о судьбе бедной девочки:

«На нее все положат болт. Мне всегда ее было жалко. Отец – пьянчуга и подонок последний. Бил ее постоянно. Маму вообще не понимаю, как можно такое терпеть и совершенно не беспокоиться о дочери?!»

«Логика у наших баб – тупая. Бьет – значит любят. Так, блин, у этой мамки реальные чувства к этому алкашу. Столько побоев, а хоть бы одно заявление», – ответил второй го-

лос.

«Одно заявление все же написала. Точнее, брат, дядя Лизы, заставил ее это сделать. Он когда увидел свою сестру в побоях, пришел в ярости и отлупил мужа. Хотел еще усадить этого гада, но до чего же бабы дурные. Мама Лизы мало того что отказалась от заявления, так еще своему родному брату пригрозила, что усадит его вместо мужа, за то что избил ее супруга. Мне когда сама Лиза это рассказывала, я прямо ей сказала «твоя мать – дура», – эмоционально заявлял первый голос.

«Я даже по началу полагала, что отец ее в пьяном угаре убил, а тело куда-то вывез и потом с женой придумал гениальный план – заявление о пропаже. Но потом сама увидела их лица и уверенно могу сказать, что мое предположение оказалось неверным».

«Когда и где ты видела их лица?».

«В школу следователь приходил вместе с ними и тем самым дядей Лизы. Он приобнял обоих, и пьянчугу, и свою дурную сестру. Видимо, беда их объединила. В глазах отца я не видела слез, но отчаяние было куда глубже. Он все вздыхал и говорил, что во всем виноват. Все время глядел в пол круглыми и пустыми глазами, мне даже стало его искренне жаль. Про маму вообще молчу, чувство было такое, что она сошла с ума, потому что внешне казалось, что она не в этом мире».

«Следствие выяснило какие-то новые детали дела?».

«Я услышала краем уха, как этот следак сказал дяде, что, если все будет идти так дальше, то дело закроют и отправят в висяки».

«Никто не хочет напрягаться, дело ведь не из легких. Она ведь простая девочка, а не дочка миллиардера».

«Ну да, там и пресса бы вмешалась и ускорила ход событий, а так всем наплевать на простушек».

«А можете ее похитил красивый и богатый Кристиан Грей и они занимаются развратными вещами в его подвале», – разразившийся смех обеих прервал полный серьезности диалог.

«Отсылка на последние „50 оттенков серого“. Вот только наша Лиза красивее и лучше вписалась бы в роль чем эта Дакота Джонсон».

Я повернулся налево, дабы увидеть участников столь насыщенного обсуждения. Голос, который сострадал к этой бедной Лизе, принадлежал высокой девушке с мелированными волосами и милым лицом. Ее подруга была серой мышей в компании с ней. Она уже упоминалась в моем произведении, в отрывке «Накануне». Я только смотрел на ее лицо, а когда там блеснула улыбка, то глаза просто зависли. Соглашусь, что в тот момент испытал симпатию к ней. Но такое у меня бывало часто. И в этот раз я думал, что ее внешность останется только в моей памяти, но время подготовило нам одну долгую встречу друг с другом. К подъезду подошла девушка, на вид лет 20—22, и резко остановилась. Поначалу

я воспринял это нездорово, потому как ее спонтанность напугала меня.

«Ты тоже решила променять теплую постель на встречу в лютый мороз?», – удивленно спросила кого-то у лавочки только что пришедшая дама. Такое слово можно было употребить касательно нее, так как фонарь осветил ее в полный рост. Чудная черная шляпа с сеткой затемняла лицо, а серое длинное пальто тело полностью до самых икр. Она мне напоминала гостью из прошлого, словно нечаянно из 18 века попала в наше время. Я смотрел на нее, воспринимая как странную, потому что в такой минус заботиться о внешнем виде уму непостижимо. Сам по себе знаю, что шапка важный элемент экипировки в эту пору года. В 11 классе заработал гайморит на свою душу, не слушая бабушкиных советов. Хотя тогда впопыхах я не взял шапку с собой, но возвращаться за ней было бы мелочно с моей стороны, тем более все равно дальше сулило пребывание в помещении.

«Я тебя ждала, одной скучно, да и про школу у Лили хотела расспросить. Два месяца как там не была», – ответила та самая девушка с мелированными волосами.

Она попрощалась со своей невзрачной подружкой и подошла к даме в шляпке. Они поцеловались в щечку, и это меня немного бесило. Еще со школы я не понимал, зачем именно такое приветствие. Ладно там еще, когда обнимаются, но это бесит. Хотя, скорее-всего, проблема была во мне. Моя индивидуальность всегда хотела показать отличие от других лич-

ностей, которые сбиваются в кучу, а проще сказать стадо. Поэтому, когда девушки при встрече целуются в щечку, парни воспринимают нормально, большинство можно сказать, но я выдаю себя своей реакцией. Мама всегда говорила, что все мои эмоции видны на лице.

Девушки зашли в подъезд, а мне программа сообщила, что машина уже подана. Правда, приложение немного поспешило, так как такси только выехало из поворота, когда я отвернул голову от стороны лавочки.

«Просто нужно убраться подальше от этого места и данных рассказов. Словно проклятие наложили. Только вот читал про девушку, и тут же разговор на похожую тему. Как говорит один очень известный человек «Совпадение – не думаю», – размышлял я про себя, направив взгляд на белый снег, освящаемый светом фонаря.

Заострять внимание на возможной схожести между прочитанной мной запиской в квартире и разговором девушек я не стал. Чуйка подсказывала, что подозрительно одинаковые темы не зря так быстро пересеклись. Конечно, записка не слово в слово совпадала с рассказом девиц, но все равно каждый человек с логическим мышлением мог прикинуть себе вариант о некой схожести данных ситуаций. Но машина стояла передо мной, и поэтому нужно было запрыгивать в нее и убираться от этого места подальше, заодно и всякие бредовые мысли покинут мою голову. Сев в такси и напомнив для точности адрес маршрута водителю, я пощупал

внешние грудные карманы куртки. Это вошло в привычку еще с самого первого курса университета. Таким способом я определял, не потерял ли ключи от квартиры. С начала нашей самостоятельной с Сергеем жизни, меня пугала только одна мысль: утратить жилище. Я не любил смену обстановки, мне нужно было постоянное место, хотя мама не раз говорила, что жизнь бродяги только начинается, но данное высказывание пропускал мимо ушей. Непостоянность негативно сказывались на вдохновении, потому как во время переезда или любой другой напряженной ситуации голова забита планом действий, а при спокойной жизни на одном месте мозг способен рождать шедевры. А потерять наше с Сергеем место обитания мы могли при утрате ключей от квартиры. Хозяйка, Оксана Владимировна, даже пригрозила нам, когда сообщала данное правило. Я немного испугался ее, и взял себе в привычку проверять карманы. Ключи находились всегда, и этот раз не был исключением. С напрягом память вспомнила о том, как я поставил свой личный (а то и мировой) рекорд по замыканию двери. Два оборота ключа в двери пронеслись как миг, который никогда не успеешь поймать.

«Одну дверь закрыл уже хорошо. Если, что проблем не будет. Хозяйка все равно приходила за деньгами на прошлой неделе. Показания на счетчиках тоже проверила, так что ее ждать не стоит. А дальше, если нужно будет, свяжусь с ней и что-то придумаю, что сказать. М-да, впервые серьезно за-

думываюсь о переезде», – говорил я сам себе, настраивая на смену жилья.

Огни ночного Харькова проносились мимо окна машины. Я выглядывал и вспоминал счастливые минуты своей жизни. Ночная жизнь всегда была ярче, чем солнце для молодых. Студентами мы каждую пятницу мотались в клуб, но больше всего терзало мою душу воспоминания о Даше. Наши прогулки в основном припадали на ночное время. Днем мы переносили все свои накопление в голове на холст. Просыпаясь, каждое утро я с нетерпением ждал вечера, дабы увидеть ее очаровательную улыбку и голубые глаза. В ней заключался весь смысл моей никчемной жизни. Вспоминать о расставании с Дашей для меня было подобно кромсанию собственного сердца ножом. Не раз уже я обдумывал причины конца наших отношений, но кроме как самого себя винить было не кого.

«Давно не возвращался к столь горькой теме. После этих воспоминаний хочется закрыть себя в шкафу. Вот ведь черт, как я мог так все испортить. Даже и не этот факт заставляет меня ненавидеть и презирать себя, а мое за всегдашнее бездействие. Нельзя просто брать и отпускать самое ценное. Но время не вернет тебя к жизни, а только продолжит убивать», – говорил я сам себе, утверждая, что вина лежит на мне и единственный вариант продолжать свое существование – покориться и смириться. Раньше это помогало, но все равно рана не давала покоя, боль вызвал раздражи-

тель – Даша. Тогда я забыл обо всем, что произошло со мной в квартире. Сердце внутри заиграло от ожидания встречи, которую мне, наверное, хотелось больше всего в последние одинокие годы.

Глава 7

И вот такси привезло меня в центр. «25/17» был молодежным заведением. Встретить там человека возраста больше 40 – большая редкость. Завсегда люди стольких лет были либо иностранцами, либо же неудачливыми художниками. В «25/17» в основном сидели хоть и молодые, но авторитетные личности, поэтому каждый безуспешный деятель в своем роде желал воткнуться в ряды свежести искусства и что называется «похайпить». Конечно это некий расизм, говорить, что в баре были только художники. Попадались и писатели, и малоизвестные молодые режиссеры, но они чувствовали себя чуждо и их психологически давило собственное меньшинство среди представителей изобразительного искусства. Отличия можно было услышать в разговорах за столиками. Если режиссеры с писателями обсуждали возможность сотрудничества, то художники вечно со своей манией величия закрывались любого «инородного» для них. Хотя к полночи хорошо набравшись, в караоке орали песни все, а танцы и вовсе переходили на столы. Когда Даша видела это, то чуть ли не заливалась слезами и не вызвала полицию. Но я объяснял, что это именно то, что нужно. Мы с ней хотели открыть место, где люди «не такие как все» могли находить себе подобного и опустошить все, то накопленное, что на собиралось у них за время.

Вот уже машина остановилась. Напротив «Ave plaza» и находился пункт прибытия. Место расположения бара выбирал я, и соответственно взятки нужным людям также были на мне. Нелегко далось именно это место, ведь это центр, да и еще торговый комплекс «Ave plaza» напротив. Старенькие четырехэтажные здания 20-х годов прошлого века напичканы всякими заведениями снизу. Все первые этажи были усеяны книжными магазинами, кафе, барами, кальянными и остальной мелочью подобной этому. Среди них выделялась темная вывеска с светящейся желтым цветом рамкой. Именно поэтому бар «25/17» запоминался всем и посетителям, и проходящим мимо зевакам. И суть не в ярком свете на вывеске, а в смысле картинке и названия. Ведь длинна оснований рамки – по 25 сантиметров, боковых сторон – по 17. Конечно, Даша сначала не понимала этого и говорила, что никто не будет ломать голову и додумываться в чем тут суть. Но я попросил ее не паниковать, а подождать и узреть все самой. Как и всегда я оказался прав, многие заходили только из-за таблички. Ноги немного тряслись перед входом в бар. Все старое вызывает у нас дрожь. Весь персонал проверял я, встречаясь и говоря с ними лично. Но, наверное, за два года здесь изменилось все. Чтобы не гадать о неизвестном я решил у знать и вошел в бар. Сиреневый неон сразу же ослепил глаза. Но потом они привыкли к темноте с немного раздражающим светом. Неон и включался под конец громкого ночного веселья. Это была моя идея, и я почувствовал внут-

реннее спокойствие здесь, как вроде бы вернулся на два года назад. По звукам мне стало понятно, что народу там нет, потому что шум создавала лишь музыка, и та играла на самом минимуме. Правда, я мог ошибаться, так как это был только первый зал, а дальше еще два. Но идти дальше мне не пришлось. Остановил меня фруктовый запах кальянного дыма. Повернувшись влево, я увидел девушку за столиком возле стенки. Поначалу через темноту рассмотреть внешность не приходилось возможным, но неоновые блики прояснили неизвестность. Это была Даша. В тот момент я почувствовал, как все мои внутренности уходят в пятки. Словно телепорт откинул меня назад года на два. И не было расставания, а всего лишь мы долго не виделись.

«Ты все еще носишь прическу с выбритыми висками, хотя твое лицо овальное. А такая прическа подходит тем, у кого оно круглое», – говорила Даша поддатой.

«Да. Вспоминаешь слова совковых парикмахерш», – ответил я переборов в себе некий страх, который забивал мое горло комом, из-за которого слова не могли вылететь на свободу.

«У меня сейчас в голове происходила дилемма: приедешь ты или нет. Просто я тебе и позвонила, потому что была уверена в твоей поддержке, но позже стала сомневаться. Все-таки не очень хорошо вышло у нас расстаться. Я поняла бы тебя, если бы в этом гребаном баре воздух продолжал заряжаться одиночеством. Моим...».

«По телефону услышав твой голос, я понял, что у тебя серьезные проблемы и ты одна, раз набрала меня, По себе знаю, что в таком состоянии оставаться одному – крайне опасно», – говорил я, садясь за стол напротив Даши.

«Ты парень с душой. Жизнь людей такого плана растаптывает или превращает в полностью бесчувственных существ. Я боялась, чтобы своим поступком не сделала такое с тобой. Ты вообще помнишь наше знакомство?».

«Хотел забыть, но никак не смог. Я даже дату точно помню – 17 марта. Тогда объявили о просмотре картин, которые могут быть представлены на выставке. Меня тогда всячески игнорили, и я уже хотел уходить, но ты подбежала и посмотрела на мои каракули».

«Не каракули, а как потом подтвердили эксперты – творения таланта, но я поняла это раньше всех».

«Что у тебя случилось? Ты зареванная и выпившая». В разговоре язык у Даши немного заплетался, а носом она похрюкивала. Поначалу меня это раздражало, возможно, дело было в непрощенной мной обиде. Но потом я вспомнил себя в таком состоянии.

«Что будешь пить? Нам надо быть наравне. Виски или коньяк подойдет? Ты же водку после выпускного?».

«Ты прям помнишь, честно удивлен. Вообще такие истории забываются. С них только несколько раз посмеются и выкинут. А ты помнишь такую деталь. Виски с колой. В баре ты ночуешь? Раньше Андрей был универсалом: и барменом,

и сторожем».

«К моему сожалению и его счастью, Андрей уехал в Чехию. Он и работал универсалом, чтобы больше зарабатывать, но потом понял, что у нас много не заработаешь», сказала Даша, немного качаясь идя к барной стойке.

«Ещё и если после универа, работу не найдёшь, не знаю, без моих картин наверное вообще от голода умер. Ладно, отходим от темы, что всё-таки у тебя случилось?»

«Собственно я думаю, это тебя подбодрит, но жизнь реально умеет мстить. Гребанный араб Дари бросил меня, точнее променял на какую-то соплячку» – пыталась Даша добавить эмоциональный окрас своей поникшей пьяной речи. Налив нужное, она сразу же полетела к столу, чтобы мне в глаза выплакать все свое наболевшее.

«Вот почему оно так? Ты делаешь человека центром своей вселенной, а он игнорирует это и растаптывает тебя».

«Слишком много отдаёшь ему. Он этого не оценит. Человек ориентируется всегда на себя. Он не подумает не о чьей боли, пока не почувствует ее сам».

«Я тогда, когда бросила тебя ради Дари, не понимала насколько тебе плохо внутренне. Вот и ко мне прилетел бумеранг. Хм, а помнишь, мы ведь только в такое время гуляли. На улице почти никого, ни один глаз не выедает из тебя нотки счастья».

«Я вспоминал, пока ехал в такси», – выдавил из себя эти одновременно унизительны (так как я показываю ей, что все

ещё не похолоднел к ней) и освобождающие меня от скрывания правды в середине. Ведь как бы внешне я не пытался показать обратное, все равно чувства к Даше сжигали все внутри.

«Знаешь, это прекрасно, что ты меня позвала именно сегодня и именно в это время, потому что последние два дня меня словно занесло в ад. Я нашёл книгу в шкафу, куда не заглядывал все время пока жил. После этой находки со мной начал происходить реальный полтергейст. То штора полетит, то к стене прижмёт. Не знаю, как это объяснить, может схожу с ума».

«Тебе просто нужно выйти в мир. Ты ведь сидишь один в четырёх стенах. Вот и получай. Одиночество может привести к сумасшествию», – говорила Даша, сжимая мою ладонь своею. И говорить про те рассказы в книге и всплывающие образы после их прочтения, охоту обрезало. Дашино касание сыграло здесь не последнюю роль. Поэтому я решил отпустить все, что мешало мне почувствовать жизнь (включая происшествия в квартире). стакан за стаканом опрокидывался в мой рот. К неону относился все привычней, а жизнь показалась легкой и безмятежной. В этом случае алкоголь выполнил функцию машины времени, откатив нас с Дашей на несколько лет назад. Выпивка разрушила все барьеры, хотя, впрочем, такое можно сказать не только относительно этого случая. Не раз я выворачивал карман собственного прошлого незнакомцам в баре. Хоть и понимал, что им совершенно не интересно мои грустные страницы исто-

рии, и они попросту пропускают эту информации сквозь уши, но алкоголь брал руководство надо мной.

«Я настрою караоке, попоем», – резко заявила Даша, вставая со стула. Но подняться ей я не дал, потянув сцепление наших рук на себя. Стол препятствием нашему полному сближению. Похоть потянула в кабинет на диван (останавливаться и описывать кабинет не стоит, дизайн обычный, который крутили тысячу раз в фильмах. Интерьером вообще занималась Даша, а мне было все равно, поэтому отдал ей в руки всю инициативу. Единственное, что стоит отметить в этой комнате – кожаный диван, который в этот раз был как-никак кстати). Именно на нем мы и занялись с Дашей любовью. Ладонь в ладони, губы в губах, вся одежда разбросана в радиусе дивана, а каждое касание учащает сердцебиение. В те минуты голову не беспокоила шелуха. Та чертовщина в доме осталась за бортом, и я погрузился в остроту ощущения. Все эти два года моя гордость подавляла любовь к Даше, но душа никогда не отпускала ее и всегда вставляла в каждодневные мысли воспоминания о ней.

Секс закончился, ее голова лежала на моей груди. Веки тяжелели, и глаза закрывались, как дверь с магнитом. Тогда, несмотря на немалую порцию алкоголя в крови, я был спокоен и безмятежен. Казалось, что уже счастье никуда не денется и, проводя рукой по ее обнаженной спине, убеждался в этом. Даша молчала, и это выступало преградой для моего сна. Я чувствовал некую недосказанность с ней, да что там,

мне хотелось говорить и говорить с ней после двух лет молчанки. Но этот период расставания стал барьером, так как за то время мы изменились. Пьяные все одинаковы, так как алкоголь скидывает с тебя кольчугу комплексов и страхов, но в трезвом состоянии каждый как книга со своим сюжетом. Так и мы лежали со своими индивидуальными тараканами в голове. Я все хотел, но не решался нарушить молчанку. Понятия не имел, что и сказать. Алкоголь покидал тело, и, как результат, оставлял затуманенную голову. Не придумав с чего начать наш более трезвый разговор, который бы сблизил нас, я решил заснуть и не мучить себя. Резко вскочив с кровати, что аж плед слетел на пол, а ее голые груди спружинили вверх-вниз, как только она твердо ступила ногами, Даша говорила что-то себе под нос.

«Зачем я это сделала? Зачем? Зачем?», – слышалось в бормотании. В панической спешке она начала одеваться и плакать. Руки то и успевали, что натягивали одежду и вытирали льющиеся по щекам слезы. Я был удивлён такому резкому изменению хода событий. Натянув одежду, Даша, скуля и шморгая носом, прижала восьмой Айфон к уху и выскочила из комнаты. Я не знал, что и делать: пойти за ней и успокоить ее или остаться в тёплой кровати и заснуть. Второе скорее не вариант, так как неизвестность причины такого поведения и всплеска эмоций Даши полностью убила сонливость. Я также подорвался, быстро оделся и побежал за ней. В голове проскакивали разные мысли, особенно, зная

Дашину психику, которая крайне нестабильна и слаба.

«Даша, Даша», – с такими криками, я выбежал из комнаты. Но в ответ слышал звук бьющегося стекла.

«Проваливай отсюда. Вон. Убирайся», – истерично завопила Даша. Она бросалась стаканами, благо, что мимо.

Осколки сыпались прямо передо мной, а я стоял в ступоре и еле шевеля губами от шока произнёс:

«Ты что с ума сошла, дура?».

«Заткнись и вали. Я из-за тебя ошибку совершила, самую худшую в моей жизни», – кричала она в сопливых конвульсиях. И эти слова были ударом ниже пояса.

«Даша, блэт, ты как с дурдома. Ничего толком не сказав, не объяснив начала ныть, бегать, бросаться стаканами. Причину своих поворотов таких объясни», – говорил я в подвешенном тоне и смотрел на неё, как на нервнобольную. Дашино лицо вибрировало от припадка. Красные щеки были пропитаны слезами, а глаза передавали боль, которую она испытывала. Ее телефон засветился на барной стойке, а она и ожидала сообщение, получение которого техника просигналила таким способом. Даша подошла за айфоном и взяла в руки и принялась читать его, не разблокировав экран. Я понял, что это смс по её ожиданию. Тут и не нужно было супер высокого iq, чтобы догадаться кто ее партнёр по переписке. Прочитав сообщение, она положила телефон, где он и лежал, и успокаиваясь произнесла, направляясь ко мне:

«Прости, сильно резко, но я люблю его. С тобой была ми-

нутная слабость. Твоя вина, что воспользовался ею, но я сама дала возможность». Вот наглядно и показан женский характер: минуту назад была готова убить тебя, а тут вдруг резко проснулись дипломатические навыки.

«Ладно, понял, ни на секунду тут не останусь. Навязываться не по мне. А так ты меня извини за все плохое, я по жизни ошибка, которая мешает всем», – произносил я, сжимая в глотке слезы. Внутри бушевал смерч и измельчал мое сердце, и хотелось свалить с этого места как можно быстрее.

Но нужно было забрать куртку из кабинета, поэтому туда и обратно я шёл как на углях. Но идти в одном свитшоте казалось неподходящим к погоде. По пути решил забрать бутылку Jack Daniels чтобы отплатить ей за причинённый ею моральный ущерб (и как по мне это ещё малая цена, так как внутренняя боль хуже физической).

«Прости», – робко шептала Даша мне вслед, выдавливая одну несчастную слезу. Я чувствовал себя полностью растоптанным, а в это слово «прости» мало кто вкладывает искренность. Выходя из бара, я сильно хлопнул дверью и остановился, дабы одеть куртку. Покинуть то место хотелось как можно быстрее, даже не тратить лишние секунды на натягивания куртки. Холод пробрал аж до костей. За время пока я был с Дашей, на улице резко похолодало. Куда идти мне было все равно, хотелось только где-то нажраться. Хоть я и выкинул из головы все то что происходило в квартире, но имен-

но туда мне и следовало направиться. Проситься к каким-то недодружкам, которые ни разу не позвонили и не написали после моего ухода из мира живописного искусства. Но это человеческая сущность: когда он тебе нужен и интересен, то с ним общаться стоит, а когда перестал о себе заявлять, так и оставайся в тени. Да и идти больше было некуда, это года два назад двери для меня держали открытыми как минимум 20 человек, а сейчас ни одного.

«Вот дурак, наивный идиот, она пьяная позвала тебя, так ты прям целую жизнь с ней связать готов», – говорил я про себя, ехидно улыбаясь краем рта. Но это все было второстепенным, потому что на тот момент главным было добраться домой. Недолго раздумав и достав телефон, я решил добраться до дома с помощью метро. На часах 5:32, а с половины шестого оно уже функционирует. Исходя из тогдашнего местоположения, ближайшей станцией был «Исторический музей», мне требовалась спускаться вниз всего в течение минуты. Но знакомая поговорка «не ищу легких путей» полностью описывала меня, потому я направился к «Госпром» (объяснялось данное решение еще и тем, что моя станция «Победа» находится на зеленой маршрутной линии, «Госпром» также на этой ветке, а вот «Истор музей» был на синей и в дальнейшем мне бы предстоял переход, поэтому легче сесть сразу и не петлять по вонючей подземке). По пути к назначенному пункту, я прошёл ХНАТОБ, парк Шевченка и ХНУ им. Каразина. Эти места навеяли мне воспоминания.

нания о наивных годах всей человеческой жизни. На ХНАТ-ОБе (Харьковский национальный академический театр оперы и балета) постоянно было море молодежи. Будь то парочки, компании друзей, велосипедисты, которые выполняют всякие разные трюки. Я также был частью громких масовок в этом районе, Сергей из-за своей активной коммуникабельности часто находил веселые движения. Мне было неудобно крутиться с ним: во-первых, чувствовал навязывающимся неудачником, который не имеет достаточного круга общения, чтобы дать свободу единственному другу; во-вторых, я был аутсайдером в любой веселой компании, из-за комплексов не мог найти нормального общения, все чувствовал разобщенность между собой и ими.

Второе место – парк Шевченко – в большей мере напомнил мне про года, проведенные с Дашей. Мы часто здесь гуляли, правда, тогда он не был доведён до ума, но нам было все равно, потому как наслаждались друг другом.

«Так, ладно, забыли», – прохлопал я себя по щекам, проходя мимо парка.

Последнее место на пути – чертов университет. Мне даже не хочется и говорить об этом месте. Могу сказать одно – поступал в него не своей головой. Тогда я был подвержен влиянию мамы, а ей очень понравился размер института. Как сейчас помню те слова:

«Ух ты, какое огромное здание». Смешной критерий выбора учебного заведения, но это в прошлом и париться

об этом не следует. Зайдя в метро и присев на лавочке в ожидании поезда, я резко захотел спать, тело начинало тяжелеть и расслабляться, но с последних сил сжимал руку, чтобы не выпустить бутылку Jack Daniels. Платформа была почти безлюдно и мне всегда нравилась такая атмосфера – меньше человеческих тел. Только один охранник сидит на лавочке, упершись руками в колени и втыкая в одну точку. Полную бутылку виски я никогда не любил носить, поэтому решил уменьшать объём жидкости. Да и алкоголь выветрился и надо было наверстывать упущенное. Крепкий вкус виски бодрит и глаза становились легче. Глоток за глотком были как картинка за картинкой. Так вспоминались моменты с прошлого. Флешбеки настолько захватили меня, что я садился и высаживался с поезда как робот. В прямом смысле! Картинки закрыли реальность. Пьяным я судил те или иные поступки вслух. Где-то признавал свою неправоту, в другом оправдывал себя и всяческими нецензурными выражениями обкладывал виновника. Так я вспомнил и про отношения с семьёй. Эта ситуация меня всегда гложила изнутри. Даже пьяным не особо хотелось копаться в данной истории, но в любом состоянии я пытался найти секунду, минуту, час, месяц, в общем время, где потерял нить близости с семьёй. Не общаюсь с ними целые года, а позвонить или написать не давала собственная гордыня. Анализирование проблемы отношений с родителями совсем меня ослепило, так как я понял что уже прошёл дорогу от метро к дому, стоя перед же-

лезной дверью в подъезд, хотя опустошённая бутылка виски тоже сыграла не последнюю роль. Перед тем как прислонить чип к домофону, я вспомнил о той мути и галлюцинациях, что происходили в квартире, но пьяным не страшно ничего, поэтому без размышлений и змейкой последовал к лифту.

Глава 8

Вываливаясь в полусознанном состоянии из лифта, я почувствовал, что наступил на что-то твёрдое. Моя голова была опущена вниз, поэтому глаза увидели, что это чей-то коричневый ботинок. Прижимаясь телом к стене, я поднял свой мутный взгляд, чтобы увидеть кто же стоит. Это был высокий парень, одетый в длинное чёрное пальто, на овальном лице находились очки. Мне стало стыдно перед ним и я отвёл взгляд и, перебирая по стене руками, направился в квартиру.

«Это, наверн, сосед из какой-то квартиры напротив (рядом со мной жила молодая семья и парень там маленький и лысоват, а не такой шкаф) че он вылупился на меня», – бормотал я себе под нос, медленно оборачиваясь. Парень стоял на краю между этажом и лифтом и смотрел въедливо на меня.

«Наверное, хочет услышать извинения за то, что я наступил на его башмак, но хрен тебе. Унижаться не собираюсь». Мне хотелось быстрее уйти домой из-за столь сосредоточенного внимания по отношению ко мне парня, даже, когда я поворачивался он все равно не отводил взгляд, только периодически руками раздвигал двери лифта, которые закрывались.

«Не хватало ещё тут маньяка, а то этих бредовых записок не хватает для полного счастья».

Как только я разобрался с замками и вскочил в квартиру, парень сразу же вошёл в лифт. Проверять поехал ли он не стал, потому как за эти секунды любопытства мог отдать жизнь. Такой испуг взбодрил меня, но ненадолго. Обувь по нормальному я снять не смог, поэтому упал, содрал еле-еле ботинки и на четвереньках пополз к дивану. Уже светало, а спать клонило, как после разгрузки вагонов. Да и чувствовал себя выжатой тряпкой и взобравшись на диван, я заснул в чем был, не снимая даже куртки.

Проснулся аж вечером. Голова рассказывалась, но Слава Богу не тянуло блевать. Многие в такой момент говорят, что больше не будут пить, но я уже понял, что это пустые слова. От головной боли нужна таблетка, поэтому стоит перебороть себя, встать ведь не хотелось. Но мотиватором стала самая для меня омерзительная вещь в этой квартире. Повернув голову в сторону стола, я увидел книгу, но чувство непереносимости поменялось на любопытство. Желание разобраться, есть ли что-то интересное и ценное в этой макулатуре подвигло меня раздеться и порыскать в ящике стола, дабы найти таблетки, способные убрать головную боль и запустить желудок (у меня такое всегда после гулянок, моя изюминка). Под руку попались «Атоксил» и «Парацетамол», и я выпил их. Мне следовало поесть хотя бы что-то, поэтому направился на кухню и пожарил яичницу и сварил картошки, других продуктов в холодильнике не было. Я интриговал себя и подготавливал к последствиям прочтения писем.

Моментами память воспроизводила встречу с тем странным парнем. Сомнительные ощущения касательно него посещали меня, и как показало время не напрасно. Окончив трапезу, я направился в комнату для прочтения. Книга одиноко лежала себе на столе и соблазняла взять ее в руки и открыть, но мне это уже было чуждо, хотелось только сложить те пазлы которые запрятаны в ней.

В следующей записке шлось о таком:

«Сложно ходить на одном месте. Но само невыносимо терпеть боль от удара самого близкого человека. Я ведь столько раз спасала людей и всю жизнь это делала, но не смогла сберечь одну – свою. У меня с детства душа была белой, до ужаса прозрачной, но каждый, кто проходил сквозь неё оставлял следы от своих грязных рук. Чёрный ангел пользуется этим, чтобы забрать ее в свои владения. Его силе невозможно сопротивляться. Он уже затаскивает к себе в темный и затхлый обитель. Раньше меня не смущала семья, которая ходила мимо и не замечая меня. Там было намного безопаснее, а у него чертова преисподняя – прямая дорога в ад...

P.S. Но шанс появился и расплата не за горами».

«Делать выводы сейчас рано, нужно пережить ближайшее будущее, где успею напугаться до смерти, вырубиться и нарисовать картину», – говорил я про себя иронично, откладывая открытую книгу в сторону.

Я был в ожидании паранормального, как это было

в предыдущих двух случаях. Стояла устрашающе мертвая тишина. Перебил её звук идущей воды. Не воспринимая это за странность, я мигом рванул в ванную. В последний день раз после моего использования кран был закрыт, исправен и не тёк. Склероза не страдаю, чтобы действительность была иной. Прибежав я был поражён тем, что вода почти полностью не до краев наполнила ванну. Как только мои уши услышали звук, ноги сразу же без замешательства понеслись на место, откуда он исходил, поэтому такого количества логически не могло набраться. Ступив на плитку, я поскользнулся и упал на колени перед ванной, хоть и пытался судорожно руками ухватиться за что-то. Моя голова была наклонена перед водой, и вдруг в ней появилось размытое отражение. Чьё оно (мужское или женское) признать не смог, увидел только, что на голове сверкал белый колпак, а тело укрыто халатом этого же цвета.

«Вот и то, чего следовало ожидать», – проскользнуло у меня в голове.

Я медлительно начал поворачивать голову, не отводя глаз от воды, и отражение резко почернело, а злобный оскал и красные глаза прояснились из размытости. Страх затруднил дыхание и преградил путь кислорода к легким. В глазах помутнело и я прекратил оборачиваться. Затылок обхватила холодная рука того кто или что стояло сзади. Зрения, хоть и было не к черту, в глазах прыгали чёрные круги, но в воде кое-как узрел этот факт. Я попытался дернуть шейю назад,

но сила руки не то, что преградила этому, а и наклонила к воде, так, что сначала ее почувствовал кончиком носа, а потом и вовсе голова погрузилась полностью. В тот момент мне было все равно кто сверху и чего хочет, колот сердце факт, что моя жизнь на волоске от смерти, и, казалось, нужно за неё бороться. Но я расслабил все тело и спокойно ждал участи. Действительно, осталось чучуть, чтобы избавиться от ноши, в которую запряжен с рождения. Здесь у меня нет ничего, что держит, от мира тошнит, где каждый хочет быть внешне чистеньким, но внутри имеет килограммы дерьма. Возможно, родные люди вспомнят со слезой, но я всегда был жирным чёрным минусом в их белоснежной, как новенький лист бумаги, жизни. Уже ставало неважноту сдерживать дыхание, и кашель вырывался сам, а вода заходила в легкие. Почти все люди бояться этого момента – встречу со смертью, но я уже полностью подготовил себя к этому, взглянув на свою жизнь со стороны, хотя, скорее, тут более уместен термин «существование» и при чем жалкое. Но все это оставалось позади, а тогда пришло время света в конце тоннеля. Помню, долго меня интересовало, что же происходит после смерти и сейчас я наконец могу узнать тайну, которую никто не знает в течении целой жизни. Единственное, чего сильно не хотелось – пустоты. Много моих сверстников и людей постарше не исключали и поддерживали теорию, что после смерти ничего нет. Я старался не нагружаться данной мыслью и объяснял себе абсурдность этой теории исходя из религии. Все

детство бабушка водила меня в церковь на каждый праздник. Учила многим молитвам, правда до сих пор помню одну – «Отче наш». Ею я пользовался в кажущихся мне безвыходных ситуациях, где оставалось только ждать чуда. Да и вообще, если бы многие люди не ждали манны небесной, что вот-вот не сегодня, а завтра откуда-то придёт улучшение, в метро было бы больше радостных и живущих настоящим лиц, а не мечтательных глаз с нотками грусти и отвержения реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.